

Дорогие ребята, вашему вниманию предлагаются фрагменты из книги Валентина Петровича Катаева (1897 – 1986) «Алмазный мой венец» (1978). В ней писатель, переехавший когда-то в Москву из Одессы, стремится воссоздать драматичную и творческую атмосферу 20-х гг. прошлого века, первых послереволюционных лет, рассказать о своих товарищах и собратях по перу, среди которых те, что стали классиками русской литературы XX века. Имена этих людей автор скрыл в книге под вымышленными прозвищами, создав таким образом «текст с ключом», требующий «расшифровки». Ниже приведены отрывки, в которых фигурируют два таких персонажа. Ваша задача внимательно прочитать текст, прояснить личность героев и ответить на предложенные вопросы. Старайтесь давать емкие ответы (объем 3-6 предложений).

В. КАТАЕВ. АЛМАЗНЫЙ МОЙ ВЕНЕЦ

Вообще в этом сочинении я не ручаюсь за детали. Умоляю читателей не воспринимать мою работу как мемуары... Это свободный полет моей фантазии, основанный на истинных происшествиях, быть может, и не совсем точно сохранившихся в моей памяти. В силу этого я избегаю подлинных имен, избегаю даже вымышленных фамилий. Стихи, приведенные мною, я цитирую исключительно по памяти...

...Не роман, не рассказ, не повесть, не поэма... Но что же? Не знаю! Недаром же сказано, что мысль изреченная есть ложь. Да, это ложь. Но ложь еще более правдивая, чем сама правда. Правда, рожденная в таинственных извилинах механизма моего воображения...

Во всяком случае, ручаюсь, что все здесь написанное чистейшая правда и в то же время чистейшая фантазия...

Москва. Двадцатые годы. Тверская.

...мы подошли к памятнику Пушкину и уселись на бронзовые цепи, низко окружавшие памятник, который в то время еще стоял на своем законном месте, в голове Тверского бульвара, лицом к необыкновенно изящному Страстному монастырю нежно-сиреневого цвета, который удивительно подходил к его маленьким золотым луковкам.

...До сих пор болезненно ощущаю отсутствие Пушкина на Тверском бульваре, невосполнимую пустоту того места, где он стоял.

Недаром же Командор написал, обращаясь к Александру Сергеевичу:

«На Тверском бульваре очень к вам привыкли».

Для людей моего поколения есть два памятника Пушкину. Оба одинаковых Пушкина стоят друг против друга, разделенные шумной площадью, потоками автомобилей, светофорами, жезлами регулировщиков. Один Пушкин призрачный. Он стоит на своем старом, законном месте, но его видят только старые москвичи. Для других он незрим...

А Пушкин сегодняшний для меня лишь призрак.

Москва пушкинская превращалась в Москву Командора.

«Проезжие прохожих реже. Еще храпит Москва деляг, Тверскую жрет, Тверскую режет сорокасильный кадиллак».

Это тоже призрак.

Память разрушается, как старый город. Пустоты перестраиваемой Москвы заполняются новым архитектурным содержанием. А в провалах памяти остаются лишь призраки ныне уже не существующих, упраздненных улиц, переулков, тупичков...

Я давно уже перестал быть пешеходом. Езжу на машине. Московские улицы, по которым я некогда проходил, останавливаясь на перекрестках и озирая дома, теперь мелькают мимо меня, не давая возможности всматриваться в их превращения.

Командор был... прирожденным пешеходом, хотя у первого из нас у него появился автомобиль – вывезенный из Парижа «рено», но он им не пользовался... он ходил пешком, на голову выше всех прохожих, изредка останавливаясь среди толпы, для того чтобы записать в маленькую книжку только что придуманную рифму или строчку.

...Когда я приехал впервые в Москву, улица Кирова была еще Мясницкой и по ней, кривой и извилистой, я ехал с Курского вокзала на так называемом ваньке из числа тех, на которых еще ездил Антон Чехов... Я почти неощутимо пережил эпоху новых мостов через Москву-реку и передвижение

громadных старых домов с одного места на другое, эпоху строительства первых линий метрополитена, исчезновение храма Христа Спасителя, чей золотой громадный купол, ярко блестящий на солнце, можно было разглядеть, как золотую звезду над лесом, когда до Москвы еще оставалось верст шестьдесят.

... Незримая всевластная рука переставляла памятники, как шахматные фигуры, а иные из них вовсе сбрасывала с доски.

...какая странная пустота открылась передо мной на том месте, где я привык видеть Водопьяный переулок. Его не было. Он исчез, этот Водопьяный переулок. Он просто больше не существовал. Он исчез вместе со всеми домами, составлявшими его. Как будто их всех вырезали из тела города. Исчезла библиотека имени Тургенева. Исчезла булочная. Исчезла междугородная переговорная. Открылась непомерно большая площадь – пустота, с которой трудно было примириться. Пустота казалась мне незаконной, противоестественной, как то непонятное, незнакомое пространство, которое иногда приходится преодолевать во сне...

Не существует дома, где проходила большая часть жизни Командора в той странной нигилистической семье, где он был третий и где помещался штаб лефов, гонявших чай с вареньем и пирожными, покупавшимися отнюдь не в Моссельпроме, который они рекламировали, а у частных...

Не существует и входной двери, ведущей с грязноватой лестницы в их интеллигентное логово со стеллажами, набитыми книгами, и с большим чайным столом, покрытым камчатной скатертью.

Командор в одной из своих поэм описал эту часть Москвы следующими скупыми словами... «Лубянский проезд. Водопьяный. Вид вот. Вот фон».

Он делил свою жизнь между Водопьяным переулком, где принужден был наступать на горло собственной песне, и Лубянским проездом, где в многокорпусном доходном, перенаселенном доме, в коммунальной квартире у него была собственная маленькая холостяцкая комнатка с почерневшим нетопленным камином...

Здесь, оставаясь наедине сам с собой, он уже не был главнокомандующим Левым фронтом, отдающим гневные приказы по армии искусств:

«...а почему не атакован Пушкин и прочие генералы классики?»

И сейчас еще слышатся мне широкие, гулкие шаги Командора на пустынной ночной Мясницкой между уже не существующим Водопьяным и Лубянским проездом.

... однажды по дороге в редакцию в Телеграфном переулке я познакомился с наиболее опасным соперником Командора, широкоизвестным поэтом – буду его называть с маленькой буквы королевичем – который за несколько лет до этого сам предсказал свою славу:

«...Говорят, что я скоро стану знаменитый русский поэт».

Я еще с ним ни разу не встречался. Со всеми знаменитыми я уже познакомился, со многими подружился, с некоторыми сошелся на ты. А с королевичем – нет. Он был в своей легендарной заграничной поездке... и в один прекрасный день снова появился в Москве – «как денди лондонский, одет».

Все во мне вздрогнуло: это он!

Мы назвали себя и пожали друг другу руки. Я не ошибся. Это был он. Но как он на первый взгляд был не похож на того молодого крестьянского поэта, самородка, образ которого давно уже сложился в моем воображении, когда я читал его стихи: молодой нестеровский юноша, почти отрок, послушник... Или бесшабашный рубаха-парень с тальянкой на ремне через плечо. Или даже Ванька-ключник, злой разлучник, с обложки лубочной книжки. Словом, что угодно, но только не то, что я увидел: молодого мужчину, я бы даже сказал господина, одетого по последней парижской моде, в габардиновый светлый костюм – пиджак в талию, – брюки с хорошо выглаженной складкой, новые заграничные ботинки, весь с иголочки... А из-под парижской шляпы на меня смотрело лицо русского херувима с пасхально-румяными щечками и по-девичьи нежными голубыми глазами, в которых, впрочем, я заметил присутствие опасных чертиков, нечто настороженное: он как бы пытался понять, кто я ему буду – враг или друг?..

Я мог бы назвать моего нового знакомого как угодно: инок, мизгирь, лель, царевич... Но почему-то мне казалось, что ему больше всего, несмотря на парижскую шляпу и лайковые перчатки, подходит слово «королевич»... Может быть, даже королевич Елисей...

...Беседа наша была душевной. Королевич, ничуть не кичась своей всероссийской известностью, по-дружески делился с нами, как теперь принято выражаться, творческими планами и жаловался на свою судьбу, заставившую его, простого деревенского паренька, жить в городе, лишь во сне мечтая о родной деревне.

Тут он, конечно, немного кокетничал, так как не таким уж простым был он парнем, успел поучиться в университете Шанявского, немного знал немецкий язык, потерся еще в Санкт-Петербурге среди знаменитых поэтов, однако время от времени в нем вспыхивала неодолимая жажда вернуться...

- 1. Итак, в представленном фрагменте текста прозвучали два прозвища выдающихся писателей, придуманные Катаевым: Командор и королевич. Узнали ли вы прототипов этих персонажей книги? Какие портретные и биографические детали подсказывают ответ? Объясните свои предположения. Назовите знакомые вам произведения обоих авторов. А какие книги самого Катаева вам известны?**

Командор – В. Маяковский, королевич – С. Есенин. Можно опознать по цитатам (включая отсылки к рекламе Моссельпрома, с которой работал Маяковский); по портретным деталям (рост Маяковского, внешность «херувима» Есенина); по фактам биографии (специфика личной жизни М и его московские локации, деревенское происхождение Е); личностным и творческим характеристикам (лидерство как черта характера и чеканность языка М, дружелюбие и пристрастие к народной образности Е).

Желательно назвать не менее 2 произведений каждого поэта.

Произведения Катаева - «Сын полка», «Цветик-семицветик» и др. сказки, «Белеет парус одинокий» или другие книги тетралогии «Волны Черного моря».

10 баллов

- 2. В книге Катаева (и данном фрагменте в частности) происходит погружение в мир молодых писателей его круга. Он сам принадлежит к «южанам» (группе талантливых прозаиков и поэтов, приехавших из**

Одессы, среди которых Ю. Олеша, И. Бабель, И. Ильф и Е. Петров – младший брат Катаева, Э. Багрицкий и др. – все они тоже скрыты в книге под вымышленными именами). Наряду с двумя героями, личность которых вы, надеюсь, разгадали, упоминаются «лефы» (члены организации «Левый фронт искусств», отрицавшей искусство прошлого, - одним из их лидеров был Командор). Вместе с тем здесь присутствуют отсылки к классикам литературы (Пушкину, Тургеневу, Островскому, Чехову, Тютчеву – к последнему через незакавыченную цитату, на которую попытайтесь указать). Упоминается искусство лубка (вид народного творчества в виде раскрашенной гравюры с подписью). Для чего, как вы думаете, создается этот внесюжетный план текста?

Писатель стремится запечатлеть в книге своих воспоминаний не только исторические события и встречи с выдающимися современниками, но и пространство культуры, в котором живут его собратья по перу, показать, какие традиции на них влияли или от чего они отталкивались, так или иначе вступая в творческое взаимодействие с предшественниками и современниками разных эстетических ориентаций. Художественная культура во многом определяет тот образ времени, который создается в книге, помогает автору набросать портреты своих героев, соотнося их с известными полотнами (нестеровский отрок), фольклорными (Ванька-ключник) или литературными персонажами (Командор, Евгений Онегин и др.). При всех сложностях жизни первых послереволюционных лет это время показано как чрезвычайно творческое и давшее множество талантов. Кроме того, сам автор, переживший многих своих современников, воспринимает прошлое через призму культурных ассоциаций – это часть его внутреннего мира и черта его лирической прозы.

«Мысль изреченная есть ложь» - незакавыченная цитата из стихотворения Ф. Тютчева «Silentium».

15 баллов

3. Какие литературные ассоциации связаны, по-вашему, с именами «Командор» и «королевич»?

Командор как персонаж появляется в пьесе «Каменный гость» (одна из «маленьких трагедий» Пушкина), где развивается сюжет о последней

любви Дон Гуана. Это «оживший» памятник убитому когда-то Гуаном мужу донны Анны, который является на их свидание как воплощение кары. Памятник, пришедший, чтобы наказать героя за дерзость, - это и центральный образ «Медного всадника», философской поэмы Пушкина. В тексте Катаева с этим именем связывается мощь, статуарность, чеканность шагов, огромный рост героя и (в сфере творчества) качества его поэзии «горлана, главаря».

Королевич (Елисей) – сказочный герой, возлюбленный и спаситель царевны в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» А. Пушкина. Облик сказочного королевича, связанный с миром фольклора, перекликается с привлекательной внешностью и народной в своих основах поэзией Есенина. В этом же смысловом поле сопоставление с Лелем и Мизгирем (в тексте со строчной буквы) – персонажами пьесы-сказки А. Островского «Снегурочка». Кроме того, при описании модного костюма поэта, вернувшегося из-за границы, следует уподобление его Евгению Онегину («как денди лондонский, одет»). Можно отметить контрастность этих сопоставлений, что свидетельствует о многоплановости личности «королевича».

15 баллов

- 4. Как бы вы ответили на вопрос о том, сколько «ликов» Москвы представлено в приведенном фрагменте? Докажите свою мысль. Как разрабатывается в нем тема города? Прочитайте стихотворение Марины Цветаевой «Домики старой Москвы» и скажите, какая мысль роднит его с фрагментом, представленным для анализа. Какие вы знаете произведения русских писателей и поэтов, в которых создается образ Москвы? Есть ли в них что-то общее с текстом Катаева?**

**Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,**

**Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.**

**Где потолки расписные,
До потолков зеркала?**

**Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах...**

**Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, —
Грузные, в шесть этажей.**

**Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.**

Можно сказать, что Москва представлена в тексте в динамике и выступает в трех обличьях. Во-первых, это «пушкинская» Москва - то есть дореволюционная, со старинными зданиями, монастырями, историческими переулками, ее черты автор с трепетом перебирает в памяти. Во-вторых, это «Москва Командора» - новая, послереволюционная, живущая в более скором ритме, с «кадилляками», «рено» и трамваями, уже со следами уничтожения памятников культуры, отражающая дух иного времени. И, наконец, современная писателю советская Москва 70-х, в которой успели позабыться и стали «призраками» многие снесенные старинные здания, «упраздненные переулки», их место заняли другие городские объекты, построено метро, переименованы в честь советских политиков, писателей и героев улицы, перенесен памятник Пушкину. Тема меняющегося города связана с темой времени, ушедшей молодости и ностальгии по прошлому.

Принимаем стихи о Москве разных авторов, описание Москвы в романе Пушкина «Евгений Онегин», в эпопее «Война и мир» Толстого, произведениях Булгакова, Бунина, Зайцева и т.д. Важно найти пересечения с Катаевым.

Стихотворение Цветаевой роднит с текстом Катаева тема уходящей старинной Москвы, ее быта, ее культуры, тема ностальгии по прошлому. Как и Катаев, Цветаева печалится об исчезновении «домиков с знаком породы» с неспешной жизнью их хозяев и в более резкой форме, чем Катаев, выражает неприятие новой - обезличенной и грубой - архитектуры («...уроды, — Грузные, в шесть этажей»).

20 баллов

5. В тексте Катаева есть зловещий образ некой «всевластной руки», которая «переставляла памятники, как шахматные фигуры, а иные из них вовсе сбрасывала с доски». Писатель с сожалением говорит об уничтожении исторических памятников в Москве в советские времена. Знаете ли вы, какие из перечисленных в тексте объектов московской архитектуры в настоящее время восстановлены и каким улицам (переулкам) возвращены сегодня их исторические названия:

- 1. Водопьяный переулок**
- 2. Лубянский проезд (проезд Серова)**
- 3. Страстной монастырь**
- 4. Телеграфный переулок (Архангельский переулок)**
- 5. Храм Христа Спасителя**
- 6. Мясницкая улица (улица Кирова)**
- 7. Тверская улица (улица Горького)**

Катаев сожалеет, что памятник Пушкину работы А. Опекушина был перенесен с Тверского бульвара на противоположную сторону Страстной (Пушкинской) площади. Знаете ли вы, кому из названных в отрывке персонажей-поэтов в 1995 г установлен памятник на Тверском бульваре?

Восстановлен Храм Христа Спасителя, исторические названия вернули в 90-е гг. Тверской улице, Мясницкой улице, Архангельскому переулку, Лубянскому проезду.

Установлен памятник С. Есенину работы А. Бичукова, приуроченный к 100-летию со дня рождения поэта.

15 баллов

- 6. В начале приведенного отрывка автор книги рассуждает о жанровой природе собственного текста и о соотношении исторической «правды» и художественного вымысла в нем. Он затрудняется определить жанр своей книги и не хочет, чтобы ее воспринимали как мемуары. Что означает термин «мемуары» и как вы понимаете смысл парадоксального авторского высказывания о том, что эта книга - «ложь... Но ложь еще более правдивая, чем сама правда»? Знакомы ли вам другие литературные тексты, в которых автор размышляет о собственном произведении и творческом процессе?**

Катаев не хочет, чтобы его книгу рассматривали как документ, точное свидетельство об эпохе и тех известных людях, о которых он пишет. Поэтому определение «мемуары» (жанр нехудожественной литературы, в котором автор выступает как свидетель и участник исторических событий) он отвергает и защищает свое право на фантазию, неточное, субъективное воспроизведение прошлого. При этом он убежден, что отражение не столько буквы, сколько духа того времени, о котором он пишет, может быть более правдивым, чем документ. Художественный вымысел преобразует факты и по-своему приближает к пониманию предмета изображения – в этом смысл катаевского парадокса. Поэтому он и определяет свою книгу как «чистейшую правду и в то же время чистейшую фантазию».

А.С. Пушкин «Евгений Онегин», Н.В. Гоголь «Мертвые души», М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (предисловие к роману). Стихотворения на тему творчества (например, «Осень» Пушкина, где описан процесс вдохновения, «Есть речи – значенье...» Лермонтова, «Тайны ремесла» Ахматовой и др.)

15 баллов

- 7. Вы, наверное, обратили внимание на то, что текст Катаева распадается на отдельные короткие абзацы, иногда в одно-два предложения – это не очень характерно для классической прозы, которая отличается слитностью и последовательностью. В книге нет строгой линии повествования, а скорее «нанизываются» друг на друга образы и ассоциации. Язык этой прозы насыщен приемами языковой выразительности, которые вам предстоит назвать. Известно, что Катаев начинал свой творческий путь как поэт, а потом**

перешел на прозу. Можно ли, с вашей точки зрения, определить его текст как «прозу поэта»? Докажите свою мысль и определите тропы, синтаксические и лексические приемы, использованные автором в тексте:

1. *необыкновенно изящному Страстному монастырю нежно-сиреневого цвета, который удивительно подходил к его... луковкам; скупыми словами; с пасхально-румяными щечками;*
2. *...механизм моего воображения; в провалах памяти остаются лишь призраки...улиц; наступать на горло собственной песне; вооружившись сатирой... и фантазией;*
3. *отсутствие Пушкина на Тверском бульваре;*
4. *Память разрушается, как старый город; переставляла памятники, как шахматные фигуры; писателем вроде Гоголя;*
5. *интеллигентное логово (т.е. квартира);*
6. *Да, это ложь. Но ложь еще более правдивая, чем сама правда;*
7. *Он исчез, этот Водопьяный переулок. Он просто больше не существовал. Он исчез вместе со всеми домами...;*
8. *считали своим, полтавским, даже как бы отчасти родственником;*
9. *гонять чай; рубаха-парень; (весь) с иголки*
Объясните смысл этих устойчивых словосочетаний.

Да, можно. Дробное членение текста и «нанизывание» образов напоминает строфику стихотворения, его ассоциативность и подчеркивает ритм, что больше характерно для поэзии. Богатая тропика, использование разнообразных синтаксических приемов также отсылает к поэзии: классическая проза обычно строже и логичнее.

Эпитет (1),

метафора (2),

метонимия /синекдоха/ (3),

сравнение (4),

парафраз /перифраз/ (5) – есть также ирония,

повтор (6) – есть также антитеза, оксюморон,

анафора (7),

градация (8),

фразеологизм (9).

Фразеологизмы: общаться за столом, пить чай; простой, откровенный, общительный человек; новый, идеально сшитый (костюм), одетый во все новое (человек).

10 баллов

Любая ошибка (орфографическая, пунктуационная, стилистическая или фактическая) снижает оценку сочинения на 1 балл.